ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

АГОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОСМОСА У ГЕРАКЛИТА

А. В. Лебедев

Толкуя гомеровский стих о Медведице (Арктос), «которая одна лишь [из всех созвездий] не купается в Океане» (Il. 18, 489; Od. 5, 275), т. е. не заходит за горизонт, Страбон (География I, 6, 6) допускает, что Арктос означает здесь у Гомера не созвездие Большой Медведицы, а «арктический круг», т. е. всю область околополярных, незаходящих созвездий. В подтверждение этого странного допущения он приводит уникальный, нигде больше не сохранившийся фрагмент Гераклита, в котором Арктос якобы имеет то же значение. Страбон ошибся, так как ни у Гомера, ни у Гераклита Арктос такого значения иметь не может, но благодаря этой ошибке сохранился один из самых головоломных гераклитовских фрагментов, приводивший в недоумение поколения исследователей и вынуждавший к частичной капитуляции таких знатоков, как Эд. Целлер, Олоф Жигон и М. Маркович: Гераклит фр. 62 Marcovich = B 120 DK ἠοῦς καὶ ἑσπέρας τέρματα ἡ Ἄρκτος καὶ ἀντίον τῆς Ἄρκτου οὖρος αἰθρίου Διός «Меты утра и вечера: Медведица и — напротив Медведицы — граница ясного Зевса» [1]. В ионийской форме οὖρος омонимически совпали четыре этимологически различных слова: 1) граница (ὅρος), 2) гора (ὄρος), 3) страж (οὖρος) и 4) попутный ветер (οὖρος). Все эти четыре возможности нашли себе сторонников при истолковании выражения οὖρος αἰθρίου Διός [2]. О чем вообще этот текст? Согласно довольно распространенному толкованию — о странах света. Действительно, ἠὼς καὶ ἑσπέρα могут означать не только «утро и вечер», но и «восток и запад», а Медведица (Арктос) — обычное обозначение севера. Отсюда понятное стремление истолковать загадочное «граница (гора, страж, ветер) ясного Зевса» как обозначение недостающей четвертой части света, т. е. как «юг». «При всей своей напыщенности эти слова означают лишь то, что между Востоком и Западом находятся Север и Юг» (Целлер) [3]; «не более чем перечисление стран света» (Керк) [4]; в таком же духе понимают фрагмент В. Кранц и Маркович [5]. Это толкование — «границы между востоком и западом суть север и юг» — следует решитель-

но отклонить как невозможное. Во-первых, τέρμα не может означать по-гречески «границу» в смысле «пограничной линии» (между A и B), «межи», но только «границу» в смысле «крайнего предела», «кульминации». Во-вторых, почему Гераклит не мог сказать «юг», если он хотел сказать «юг»? Общегреческие слова для «юга» — μεσημβρίη, νότος — изначально знакомы ионийской прозе [6]. В-третьих, какое отношение может иметь «перечисление стран света» к философии Гераклита, и как вообще возможны научно-описательные тексты у мыслителя, саркастически отзывавшегося о «многознайстве» и эмпирической «естественной истории»? «Астрономия» Гераклита, судя по другим фрагментам, сильно замешена на метафизике [7]. В новейшей литературе вновь предпринимаются попытки истолковать οὖρος αἰθρίου Διός как название созвездия, находящегося «напротив Медведицы». Ч. Кан и М. Конш вслед за Тейхмюллером и Б. Снеллем [8] говорят об Арктуре («Страж Медведицы», с обыгрыванием созвучия οὖρος — Ἀρκτοῦρος). К возражению Марковича (Арктур не принадлежит к области незаходящих созвездий) можно добавить еще два. Во-первых, αἴθριος Ζεύς немыслимо в названии (видимого ночью) созвездия, так как по своей семантике связано с дневным, «сияющим небом». Во-вторых, Аркт-урос «Страж Медведицы» — даже формально — ложная параллель, не подтверждающая, а опровергающая толкование Кана — Конша, так как οὖρος Διός по аналогии должно означать не «страж, поставленный Зевсом», а «страж, сторожащий Зевса», что абсурдно. Наконец, в недавней специальной работе о нашем фрагменте Э. Монтанари [9] идентифицирует οὖρος αἰθρίου Διός как Caput Draconis — созвездие, которое вместе с Медведицей «отграничивает» область незаходящих созвездий от области «восхода и заката». Толкование Монтанари легко опровержимо, так как ἠὼς καὶ ἑσπέρα в значении «восход и закат» могут относиться только к солнцу и никогда — к неподвижным звездам. По-гречески просто нельзя сказать ἠὼς Ἀρκτούρου, как и по-русски нельзя сказать «заря Арктура» вместо «восход Арктура». Толкователи проглядели, что архаическое выражение αἴθριος Ζεύς (где αἴθριος — «безоблачный», Зевс — «небо») имеет не пространственный, а временно́й смысл, и обозначает «вёдро», «хорошую погоду» (syn. αἴθρη, εὐδίη opp. ὑέτιος Ζεύς De mundo 401 a 17); ср. провербиальную сентенцию у Феокрита (Theocr. VI, 43): χώ Ζεὺς ἄλλοκα μὲν πέλει αἴθριος ἄλλοκα δ' ὗει «И Зевс (= «Небо») то бывает ясным, то дождит».

В таком случае οὖρος должно означать «предел», «срок»; этот узус хорошо засвидетельствован у Геродота (I, 32, 2): ες ἑβδομήκοντα ἔτεα οὖρον τῆς ζόης ἀνθρώπῳ προτίθημι (ср. I, 216, 2: οὖρος ἡλικίης); также и в астрономическом контексте I, 74, 2 οὖρον προθέμενος ἐνιαυτὸν τοῦτον (о Фалесовом предсказании затмения). Таким образом, οὖρος αἰθρίου Διός можно истолковать как «конец вёдра». В пределах годового цикла период «ясного Зевса» примерно соответствует времени «от весны до Арктура» (ἐξ ἦρος ἐς Ἀρκτοῦρον Soph. OT 1137), т. е. от весеннего до осеннего равноденствия. Следовательно, «Медведица» и «конец вёдра» должны иметь

своим денотатом весеннее и осеннее равноденствие соответственно. Это именно то, чего следовало ожидать, так как кульминация Большой Медведицы (Ἄρκτος μεσουρανεῖ) в полночь приходится как раз на весеннее равноденствие (словарь Лидделла-Скотта не дает параллелей для такого употребления Ἄρκτος, но ср. сходное употребление во временно́м смысле Ἀρκτοῦρος, Κύων etc.).

Таким образом, ἠοῦς καὶ ἑσπέρας также не означают стран света, но Зарю (Утро) и Вечер, которые «равны» во время равноденствий, но постоянно уменьшаются и возрастают ἀνταμοιβῇ («заимообразно») в промежутке между ними. Автор псевдогиппократовского трактата De victu очевидно имел в виду этот пассаж книги Гераклита в I, 5:

χωρεῖ δὲ πάντα καὶ θεῖα καὶ ἀνθρώπινα ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα. ἡμέρη καὶ εὐφρόνη ἐπὶ τὸ μήκιστον καὶ ἐλάχιστον· ὡς καὶ τῇ σελήνῃ τὸ μήκιστον καὶ ἐλάχιστον, πυρὸς ἔφοδος καὶ ὕδατος, ἥλιος ἐπὶ τὸ μακρότατον καὶ βραχύτατον, πάντα ταὐτὰ καὶ οὐ ταὐτά.

«Движется все божественное и человеческое туда-сюда поочередно. День и ночь — до максимума и минимума, равно как и у луны максимум и минимум, наступление огня и воды, солнце до самого долгого и самого краткого, все то же и не то же».

Истолкованный таким образом, фр. 62 оказывается контекстуально близким к фр. 52 Mch (B 94 DK): Ἥλιος οὐχ ὑπερβήσεται μέτρα (cf. ὅρους, i. e. οὔρους test.a[2])· εἰ δὲ μή Ἐρινύες μιν Δίκης ἐπίκουροι ἐξευρήσουσι· ἠοῦς καὶ ἑσπέρα τέρματα κτλ. Вот почему Гераклит говорит ἠοῦς καὶ ἑσπέρας, а не ἡμέρης καὶ εὐφρόνης, имея в виду наступающие и отступающие начальные моменты и οὖροι дня и ночи, определяемые восходами и заходами солнца. В то же время ἠὼς καὶ ἑσπέρα, как pars pro toto, репрезентируют «светлое» и «темное» время суток и в этом смысле равнозначны «дню и ночи».

Референциальное значение фрагмента ясно, но, помимо него, имеется еще метафорический смысл, поскольку τέρματα — прозрачная метафора агонального кода. Естественно понять этот термин в его наиболее конкретном, наглядном и архаическом значении «меты» или «поворотного столба» на ристалище (Ψ 309; LSJ I, 1). Термин τροπαί обозначал не только солнцестояния, но и равноденствия (LSJ, I); вот почему весеннее и осеннее равноденствие метафоризируются как «поворотные столбы». Было бы рискованным, однако, соотносить их с «колесницей Солнца» (мы не говорим сейчас о фр. 52): во фр. 62 недвусмысленно сказано, что бегуны, огибающие «меты», суть Утро и Вечер, а не Солнце; кроме того, «метами» — τροπαί Солнца были бы скорее летнее и зимнее солнцестояния, а не равноденствия.

Вполне естественно, что космические противоборствующие силы выступают как соперники в агональном состязании: лейтмотив гераклитовской философской Музы — παλίντροπος ἁρμονία, вечный маятник «выигрыша и проигрыша»,— был уже «проигран» в различных метафорических тональностях (военной, судебной, долговой, игровой) и теперь транспонируется в агональную тональность. Одной «меты» (τέρμα) было бы достаточно для бега на

короткую дистанцию (στάδιον), но День и Ночь δολιχεύουσι «бегают на длинную дистанцию», а δόλιχος требует двух «мет» на противоположных концах стадиона (как, например, в Олимпии); вот почему во фрагменте сказано, что осенняя мета находится ἀντίον, т. е. «напротив» весенней. Как пишет д-р Райт (F. A. Wright) в статье «Stadium» в Oxford Classical Dictionary, «при беге на короткую дистанцию... участники проходили беговую дорожку от начала до конца; при состязании на более длинные дистанции они бегали взад-вперед (up and down), резко поворачивая вокруг столбов на концах стадиона». Английскому выражению up and down в данном случае вполне соответствует греческое ἄνω κάτω. употреблявшееся в аналогичных контекстах: ср., например: Платон, Государство 613 b 10: οὐχ οἱ μὲν δεινοί τε καὶ ἄδικοι δρῶσιν ὅπερ οἱ δρομῆς ὅσοι ἂν θέωσι εὖ ἀπὸ τῶν κάτω, ἀπὸ δὲ τῶν ἄνω μή; Путь ἄνω (ἀπὸ τῶν κάτω πρὸς τὰ ἄνω) и путь κάτω (ἀπὸ τῶν ἄνω πρὸς τὰ κάτω) — технические агональные термины, обозначавшие две параллельные беговые дорожки стадиона: от старта (ἄφεσις) до меты и от меты до финиша (в «двойном беге» — δίαυλος, который имеет в виду Платон) или до следующего поворота (в δόλιχος). Возьмем двух бегунов, поставим их спиной к спине на середине дорожки и пустим их с равной скоростью в противоположных направлениях: одного ἄνω, другого κάτω, и они встретятся лицом к лицу на середине стадиона, доказав таким образом, что «путь вверх-вниз (=«туда-сюда») — один и тот же» (фр. 33 Mch). Помимо этого ментального эксперимента, существовал еще общеизвестный факт, что в δίαυλος или в любом виде δόλιχος старт и финиш совпадают (ср.: фр. 34: ξυνὸν ἀρχὴ καὶ πέρας ἐπὶ κύκλου). Поскольку Ипполит цитирует фр. 33 непосредственно после фр. 32, содержащего игровые метафоры из πεσσεία, представляется весьма вероятным, что оба фрагмента входили в ряд метафорических вариаций одного и того же лейтмотива, причем ὁδὸς ἄνω κάτω представляла собой агональную метафору. Таким образом, псевдогиппократовское χωρεῖ δὲ πάντα... ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα (e. g. ἡμέρη καὶ εὐφρόνη) — прекрасный комментарий к ἡοῦς καὶ ἑσπέρας τέρματα. Агональная символика и метафорический смысл выражения ὁδὸς ἄνω κάτω («путь туда-сюда») были правильно поняты источником Филона Александрийского, De aetern. mundi 109 (= test. 66 (b) Mch): καθάπερ γὰρ αἱ ἐτήσιοι ὧραι κύκλον ἀμείβουσιν ἀλλήλας ἀντιπαραδεχόμεναι πρὸς τὰς ἐνιαυτῶν οὐδέποτε ληγόντων περιόδους, εἰς τὸν αὐτὸν τρόπον ἀντιθέουσι (scripsi, τίθησι codd., περιθέουσι Diels, cf. Herod. 5, 22, 2) καὶ τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου ταῖς εἰς ἄλληλα μεταβολαῖς, τὸ παραδοξότατον, θνήσκειν δοκοῦντα ἀθανατίζεται δολιχεύοντα ἀεὶ καὶ τὴν αὐτὴν ὁδὸν ἄνω καὶ κάτω ἀμείβοντα.

«Подобно тому как времена года обходят круг, сменяя друг друга сообразно с никогда не прекращающимися годовыми периодами, точно так же соревнуются в беге и элементы космоса, которые в своих взаимопревращениях — что самое поразительное! — казалось бы умирая, обретают бессмертие; они вечно бегут и поочередно проходят один и тот же путь вверх-вниз (= туда-сюда)».

Δόλιχοι длиной в 7, 12 и 24 стадия известны; любое из этих чисел может быть истолковано астрономически, но ни одна из этих интерпретаций не может быть доказана, и нет необходимости развивать аналогию в этом направлении, так как δόλιχος Дня и Ночи бесконечен и не имеет ни старта, ни финиша. Наибольшие трудности представляет попытка определить взаимное положение Утра и Вечера (Дня и Ночи) на космическом стадионе, равно как и синхронизацию их движения. То, что Гераклит использовал космический δόλιχος не как стертую метафору, но имел в виду конкретный образ стадиона с персонифицированными фигурами Утра и Вечера на беговой дорожке, безусловно доказывается отождествлением «поворотных столбов» (τέρματα) с равноденствиями: перед нами детально разработанная *динамическая модель космоса*, коррелят к lusoria tabula.

Рассмотрим три возможности. 1. Утро и Вечер бегут с постоянной и равной скоростью на расстоянии одного стадия друг от друга, никогда не занимая одну и ту же (т. е. ἄνω или κάτω) часть трека одновременно: как только Утро «сворачивает» с пути ἄνω на путь κάτω, Вечер сворачивает с пути κάτω на путь ἄνω. Они будут регулярно проходить середину стадиона (двигаясь в противоположных направлениях) одновременно. Заметим, что, например, в Олимпии, помимо крайних «мет», имелась еще колонна посередине; в гераклитовской модели она должна отмечать летнее и зимнее солнцестояния, т. е. пики в «прибыли» и «убыли» продолжительности Дня и Ночи. Когда Вечер бежит ἄνω, а Утро κάτω, прохождение срединной колонны будет отмечать зимнее солнцестояние, когда наоборот — летнее. У равноденственных «мет» оба равны, т. е. симметрически равноудалены от точки полудня (или полуночи): 6 часов пополудни и пополуночи соответственно. Эта возможность находит подтверждение в предположительно хиастической семантической структуре фрагмента (ab ba), в которой ἑσπέρας τέρμα соотносится с Ἄρκτος, а ἠοῦς τέρμα — с οὖρος, т. е. и Утро и Вечер имеют свою собственную «мету» в строгом смысле (поворотный столб, противоположный старту и отмечающий начало пути κάτω). Эта корреляция верна, так как день (ἠώς) начинает становиться меньше своего соперника после οὖρος (т. е. сворачивает с «пути вверх» на «путь вниз»), а Ночь — после Ἄρκτος. Это означает, во-первых, что Утро и Вечер «стартуют» с противоположных ἀφέσεις; во-вторых, что не существует «пути вверх» и «пути вниз» объективно, но только по отношению к бегуну: «путь вверх» для Утра есть «путь вниз» для Вечера, и наоборот. В этом смысле, опять-таки, ὁδὸς ἄνω κάτω μίη καὶ ὠυτή («путь вверх-вниз (= «туда-сюда») — один и тот же»).

Помимо Филона, имеется еще один интересный рефлекс агональной метафорики Гераклита в Placita philosophorum I, 7,22 (= A 8 DK, p. 96Mch): ...εἱμαρμένην δὲ λόγον ἐκ τῆς ἐναντιοδρομίας δημιουργὸν τῶν ὄντων (конъектура Дильса ἐναντιοδρομία вместо ἐναντιοτροπή в DL IX 7 = DK I, 141, 10 ненадежна). Евдор (Арий Дидим или их Посидонианский источник) был достаточно прони-

цателен, чтобы истолковать «путь вверх-вниз» как ἐναντιοδρομία «противобежность». Геродотовский термин ἀντιθευσόμενοι (5, 22, 2) (а также ἀντιθέουσι Филона, если наша конъектура верна) имеет своим аналогом ἀντίπαλοι и означает не более, чем «соревнующиеся в беге». Однако глагол ἐναντιοδρομέω может употребляться применительно к «двустороннему движению» (LSJ, s. v. ἐναντιοδρομέω со ссылкой на Страбона, 16, 1, 5), т. е. «бегу в противоположных направлениях». Если ἐναντιοδρομία — собственный термин доксографа (а не перевод на современный ему язык более архаичного и редкого ἀντιθέω, будь это гераклитовский термин, или нет), то у него должны были быть основания для предпочтения вышеизложенной интерпретации. В любом случае он признавал за образом стадиона универсальное значение космической модели.

2. Очевидный недостаток вышеизложенной интерпретации состоит в том, что когда Утро, например, проходит мету весеннего равноденствия, Вечер проходит мету осеннего. Внесем следующую поправку: пусть Утро и Вечер «бегут в противоположных направлениях» в строгом смысле, то есть одно — по часовой стрелке, а другой — против, и регулярно «встречаются» то у меты весеннего, то у меты осеннего равноденствия (многое из интерпретации (1) остается в силе). «Встреча путей» (κέλευθοι) Дня и Ночи была ходячим греческим представлением фольклорного происхождения: κ_{86} ἐγγὺς γὰρ Νυκτός τε καὶ Ἡματός εἰσι κέλευθοι. Parmen. B I 11, ἔνθα Πύλαι Νυκτός τε καὶ Ἡματός εἰσι κελεύθων [10]. Заметим, что у Гесиода и, возможно, у Парменида День и Ночь ἐναντιοδρομοῦσι на пороге.

3. Имеется еще третья возможность, при которой Утро и Вечер будут состязаться в беге наиболее естественным образом (без ἐναντιοδρομία). И Утро и Вечер «стартуют» (т. е. синхронизируются) с одной и той же стартовой черты, ἄφεσις, и бегут «рядом», ἐγγύς, по параллельным дорожкам в *одном направлении*, поочередно обгоняя друг друга, но неизменно приходя к следующей «мете» одновременно. В точке летнего солнцестояния Утро «обгоняет» Вечер ἐπὶ τὸ μήκιστον (на максимальное расстояние), но на следующем стадии-полукруге (т. е. полугодии) Вечер берет реванш, оставляя Утро позади в точке зимнего солнцестояния; тем не менее они придут к весеннему равноденствию одновременно: παλίνδρομος ἁρμονίη κόσμου ὅκωσπερ ἀντιθεόντων δρομέων («возвратная гармония космоса словно соревнующихся бегунов»).

У Гераклита конфликт «противоборствующих сил» (ἀντίπαλοι δυνάμεις) неизменно находится под контролем Медиатора (естественная метафора для космического божества), который устанавливает максимум и минимум «выигрыша и проигрыша» для обеих сторон, налагая определенные μέτρα («меры»), включающие в себя, помимо количества (суммы) «ущерба и возмещения», предустановленные сроки (οὖρος, ῥηθεὶς λόγος) «нищеты и богатства», таким образом спасая соперников от ὕβρις и уничтожения и оберегая «этот космос» (κόσμον τόνδε), основанный на παλίντροπος ἁρμονία противоположностей, от коллапса (οἰχήσεσθαι). Военный

метафорический код: воюющим сторонам, ἀντίμαχοι, поочередно «приходит на помощь» ζυνὸς Ἄρης — «обоюдный Арес» (Πόλεμος), предотвращающий окончательную победу одной стороны и полное поражение другой (вот почему Πόλεμος отождествляется с Зевсом и поставлен «над» противоположностями во фр. 29 (B 53). Судебный метафорический код: тяжущиеся стороны, ἀντίδικοι, состязаются в «прении» ἀγχιβασίη под председательством Судьи и под защитой Закона, «общего», ξυνός, т. е. беспристрастного к обеим сторонам. Экономический код: Кредитор и Должник связаны «общим соглашением», ξυνὸς λόγος, т. е. долговым договором, устанавливающим сумму и срок выплаты долга. Игровой код: космическая пессейя ведется невинным и беспристрастным ребенком Айоном, возможно понимаемым как ἀεὶ ὤν — «Вечно Сущий» (ср. роль невинного ребенка в гадании по жребию, κληρομαντεία). Различные метафорические имена Медиатора имеют один и тот же референциальный денотат: космическое божество, отождествляемое у Гераклита с Огнем. Метафорическим эквивалентом Медиатора в агональном коде должен быть «Арбитр», своего рода Гелланодик. Присутствие Арбитра на космическом стадионе было бы чистой гипотезой, если бы оно не было надежно засвидетельствовано Плутархом (Plat. Quaest. VIII 4; 1007 DE = fr. 64 Mch = B 100 DK):

οὕτως οὖν ἀναγκαῖαν πρὸς τὸν οὐρανὸν ἔχων συμπλοκὴν καὶ συναρμογὴν ὁ χρόνος οὐχ ἁπλῶς ἐστι κίνησις, ἀλλ' ὥσπερ εἴρηται κίνησις ἐν τάξει μέτρον ἐχούση καὶ πέρατα καὶ περιόδους· ὧν ὁ ἥλιος ἐπιστάτης ὢν καὶ „σκοπὸς ὁρίζειν καὶ βραβεύειν καὶ ἀναδεικνύναι καὶ ἀναφαίνειν μεταβολὰς καὶ ὥρας αἳ πάντα φέρουσι" καθ' Ἡράκλειτον, οὐ φαύλων οὐδὲ μικρῶν ἀλλὰ τῶν μεγίστων καὶ κυριωτάτων τῷ ἡγεμόνι καὶ πρώτῳ θεῷ γίγνεται συνεργός.

Вопрос первый: какие именно слова Плутарх цитирует как гераклитовские?

Вопрос второй: насколько аутентично то, что Плутарх считает цитатой из Гераклита?

Общепринятая точка зрения, согласно которой Плутарх приписывает Гераклиту только выражение ὧραι αἳ πάντα φέρουσι, находится в кричащем противоречии с плутарховым контекстом и не может приниматься всерьез. Читая фрагмент в изолированном от контекста виде можно сомневаться, относится ли καθ' Ἡράκλειτον к φέρουσι или к ὤν (т. е. ἥλιος ἐπ. ὤν καὶ σκοπὸς ... καθ' Ἡράκλειτον). Однако характер и цель других цитат в VIII, 4 ставят вторую возможность вне всякого сомнения. Предмет § 4 — солнце (а не «времена года») и его отношение к «времени». Помимо Гераклита и самого Платона, Плутарх цитирует семь авторов, резко разделенных на две группы: 1) Аристотель, Спевсипп, стоики; 2) Пиндар, Пифагор, Еврипид, Ксенократ (анонимно). Все цитаты непосредственно связаны с предметом обсуждения; ни одна из них не является риторическим украшением. Первая группа порицается за понимание времени как чистой акциденции; вторая группа рассматривается как ряд «подтверждающих цитат»,

μαρτύρια, в пользу противоположной точки зрения, т. е. представления о времени как о божественной δύναμις и ἀρχή, имманентной «космосу» и «небу»; перед нами антитеза, так сказать, номиналистической и реалистической концепций времени. Представляется вполне очевидным, что Гераклит относится к первой группе и гераклитовское высказывание о ἥλιος σκοπός и т. д. цитируется как μαρτύριον в пользу платоновского тезиса о σημπλοκὴ χρόνου πρὸς τὸν οὐρανόν «связи времени с небом» и концепции Солнца как «царя» — βασιλεύς (Resp. 308 a). Есть и другой момент: пословичное выражение ὧραι αἳ πάντα φέρουσι едва ли нуждается в санкционировании авторитетом Гераклита (ср. места, цитируемые Марковичем, Eraclito, P. 241), тогда как слова ἥλιος σκοπός и т. д. содержат изысканный ряд агональных метафор (до сих пор игнорировавшихся и неправильно толковавшихся), связанных со *специфически гераклитовским* образом космического стадиона. Σκοπός в сочетании с βραβεύειν могут быть поняты только как агональные термины. Наиболее естественное значение σκοπός, соотносимого с βραβεύει («быть арбитром», «судить на играх»),— «судья (агона)», «арбитр» (ср.: Илиада, Ψ 358—361):

Στὰν δὲ μεταστοιχί, σήμηνε δὲ τέρματ' Ἀχιλλεύς
τήλοθεν ἐν λείῳ πεδίῳ· παρά δὲ σκοπὸν εἶσεν
ἀντίθεον Φοίνικα, ὀπάονα πατρὸς ἑοῖο,
ὡς μεμνέῳτο δρόμου καὶ ἀληθείην ἀποείποι.

В таком случае метафорический смысл (коннотации) терминов 1) ὁρίζειν, 2) ἀναδεικνύναι, 3) ἀναφαίνειν должен быть: 1) «размечать», «определять» (расстояния), т. е. отмечать место состязания «метами» — τέρματα (как это делает Ахилл); 2) «сигнализировать», т. е., например, давать команду к старту, ср.: Her. 7, 128, 2 ἀνέδεξε σημήιον; ср.: Там же, 6, 115; 121 — о военных сигналах (все примеры в LSJ — из Геродота, т. е. указывают на ионийский узус!); 3) «провозглашать, объявлять» кого-либо в качестве победителя или что-то в качестве награды (ср.: LSJ, s. v. ἀναφαίνω, особенно цитируемые там примеры из Пиндара; в агональных контекстах ἀναφαίνω принадлежит к семантическому полю νίκη). Язык фрагмента древний, чрезвычайно изощренный и содержащий узуальные ионизмы; предположение о том, что Плутарх изобрел этот блестящий ряд агональных метафор ad hoc, вставив в него архаическое слово для «арбитра» и, по-видимому, ионийское ἀναδεικνύναι («сигнализировать»), представляется по меньшей мере рискованным. Нет никаких оснований подозревать аутентичность какого-либо из этих пяти слов, эксплицитно приписываемых Гераклиту. Я рассматриваю ἐπιστάτης как Плутархову глоссу к σκοπός [11], три καί вполне могли быть добавлены Плутархом, чтобы избежать гераклитовского asyndeton. В результате мы получаем следующий текст:

ἥλιος σκοπὸς οὐρίζειν, βραβεύειν, ἀναδεικνύναι, ἀναφαίνειν μεταβολὰς καὶ ὥρας (vel μεταβολὰς ὡρέων) αἳ πάντα φέρουσι.

«Солнце — судья, дабы определять, судить, знаменовать, объявлять перемены [погоды] и времена года, кои все порождают».

Роль Солнца как космического Регулятора параллельно засвидетельствована в Epist. Ps.-Heraclit. V, p. 323, 10—11 Tarán (θεός) κόσμου ἀμετρίας ἐπανισοῖ ἡλίῳ ἐπιτάττων «[бог] выравнивает несоразмерности космоса, отдавая распоряжения через солнце»; ср. также Plat., Crat. 412 d ἐπιτροπεύει «распоряжается» (о всепроникающем огне); De victu I, 10 τοῦτο πάντα διὰ παντὸς κυβερνᾷ «[солнечный огонь] всем всегда правит»; Heraclit., Quaest. Hom. 7, 8 ὡρῶν ἐπιστάτης ἐτείων «(солнце) — эпистат (распорядитель или судья) времен года» [12].

Архаически тяжелый синтаксис — еще одна черта аутентичности: опущение связки «есть» — типично для Гераклита, старое именное («дативное») употребление инфинитива находит параллели во фрагментах [13]. Другая аутентичная черта — разительное сходство с перечислениями профессиональных действий, типичных для той иной технэ, в «технологических» главах De victu I, 12—24, по всей вероятности имитирующих стиль Гераклита: гл. 12 «(железоделатели) — плавят... молотят, сковывают»; 14 — «валяльщики... топчут, колотят, волокут»; 19 — «кожевники растягивают, трут, чешут, моют»; 20 — «золото добывают, дробят, моют, плавят»; 24 — «бегают, борются (агональные термины. — *А. Л.*), дерутся, воруют, обманывают» и т. д. Можно было бы продолжить: σκοποὶ οὐρίζουσι, βραβεύουσι, ἀναδεικνύουσι, ἀναφαίνουσι· τωὐτὸ ἥλιος ποιέει. ὧραι, αἳ πάντα φέρουσι, ἀντιθέουσι, δολιχεύουσι τὴν αὐτὴν ὁδὸν ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμεναι. — «Судьи определяют, судят, знаменуют, провозглашают. То же самое делает Солнце. Времена года, кои все порождают, состязаются, бегают по одному и тому же пути вверх-вниз (= «туда-обратно») поочередно». Следы этого шаблона сохранились во фрагментах Гераклита: фр. 46 (B 58): ἰατροὶ τέμνοντες, καίοντες, βασανίζοντες ἐπαιτέονται — «Врачи режут, жгут, мучают, требуют (платы)»; фр. 10 (B 22). «Золотоискатели... копают... находят» — χρυσίον οἱ διζήμενοι...ὀρύσσουσι...εὑρίσκουσι, и, помимо золотоискателей, нам сообщается о тех, кто «оплавляет золотой песок» — ψῆγμα οἱ συμφυσῶντες и в этом действии подражает космическим ἔργα Огня; ср. также: παίζων, πεσσεύων.

Выражение Μεταβολαὶ ὡρέων, засвидетельствованное у Геродота 2, 77, 12,— обычно в Corpus Hippocraticum, особенно в περὶ ἀέρων 11, 13, 16, 24 и т. д.; Hum. 15; Aphor. III, 1; De victu I, 2; III, 67. Гален, In Aphor. III, 1, комментирует это выражение (откуда следует, что оно уже вышло из употребления в его время), различая два значения у Гиппократа: 1) смены времен года; 2) резкие перемены погоды в течение одного сезона (см. примеч. Джоунса к Hipp. Vol. I. P. 68—69 лоубовского издания, где он приходит к выводу, что «в основе лежит идея резкой перемены погоды»). С другой стороны мы имеем фр. 56 (B 84) μεταβάλλον ἀναπαύεται, где μεταβάλλον означает «перемещение» (в пространстве), «миграцию», соотносимую с «путем вверх-вниз» в test. a, a^2. Ср. также: Plato, Phileb. 43 a: ὡς οἱ σοφοί (i. e. Heraclitus) φασιν ἀεὶ γὰρ ἅπαντα ἄνω τε καὶ κάτω ῥεῖ τὸ νυνδὴ ῥηθέν, ὡς αἱ μεταβολαὶ κάτω τε καὶ ἄνω γιγνόμεναι κτλ.

Подведем итог. Μεταβολὰς καὶ ὥρας в тексте Плутарха не невозможно, хотя μεταβολὰς ὡρέων звучало бы более аутентично. В порядке альтернативы можно было бы предположить, что μεταβολαί подставлено Плутархом на место изначального τροπαί, обозначающего как равноденствия, так и солнцестояния и содержащего метафорическую аллюзию на «поворотные столбы» в ристаниях. Ἀναφαίνειν... ὥρας представляет собой сознательную двусмысленность: «провозглашать» (победителем) — «заставлять вновь появляться». «Появление вновь» лета осмысляется как его «победа» в гонках (или в космической войне; или «прибыль» и «богатство» в экономическом коде и т. д.). Такое на первый взгляд катахрестическое и странное, но в действительности метафорическое и двусмысленное употребление глаголов сознательно имитируется в De victu, например, I, 13: ἄνθρωπος ὑπὸ παιδοτρίβου... ἀραιούμενος κόπτεται, τρίβεται, καθαίρεται — «Учитель гимнастики человека... размягчает, кует, молотит, очищает» (подразумевается «как если бы он был железом»). Сходным образом, Солнце-Арбитр «объявляет времена года» (как если бы они были бегунами).

Следует подчеркнуть, что Огонь метафорически осмысляется как Высший Судья также и в судебном коде: фр. 82 (B 66): πάντα Πῦρ ἐπελθὸν κρινεῖ καὶ καταλήψεται — «Всех и вся, нагрянув внезапно, будет Огонь судить и засудит» (юридическая метафорика свидетельствует об аутентичности фрагмента, правильно: Дильс — Кранц, Маркович; вопреки Райнхардту, Керку, Уэсту и др.). Дополнительное свидетельство о Солнце как Арбитре в космическом агоне дает Макробий, In Somm. Scip. I, 20, 3 (p. 79,3 Willis) ... «princeps et moderator luminum reliquorum». adeo et ceteras stellas scit (sc. Cicero) esse lumina sed hunc ducem et principem quem Heraclitus «fontem caelestis lucis» apellat. «dux» ergo est ...«moderator reliquorum» dicitur quia ipse cursus eorum recursusque certa spatii definitione moderatur.

В поздней пифагорейской традиции аналогия со стадионом применяется к счету от 1 до 10 и «возвращению» («повороту») к 1 в новом десятке; соответственно декада играет роль поворотной «меты». Первый бесспорный случай — у Филона Александрийского De opif. mundi, 47 περὶ ὃν ὡς καμπτῆρα εἱλοῦνται καὶ ἀνακάμπτουσι (sc. οἱ ἀριθμοί) «вокруг него (число 10), как вокруг поворотной меты, бегают и возвращаются (числа)» [14]. В эксцерпте Иоанна Лидийского из «пифагорейцев» и порождение чисел натурального ряда, и годовой цикл моделируются долиходромией (бегом на длинную дистанцию), причем роль «меты» играют декада и Новый год соответственно:

De mens. III 4 (p. 38, 17 Wünsch) κύκλος παντὸς ἀριθμοῦ ἐστιν ἡ δεκὰς καὶ πέρας· περὶ αὐτὴν γὰρ εἱλούμενοι καὶ κατακάμπτοντες ὥσπερ καμπτῆρα δολιχεύουσι οἱ ἀριθμοί. ὅρος γάρ ἐστιν τῆς ἀπειρίας αὐτῶν... οὕτως ἄρα καὶ ἐπὶ τῆς ἐνιαυτοῦ φύσεως ἔστι εὑρεῖν, ὅτι συμπληρούμενος αὖθις, ὥσπερ ὁ δέκα ἀριθμός, εἰς ἑαυτὸν ἀναστρέφει· καὶ ταύτῃ ἐνιαυτὸς ὠνομάσθη, παρὰ τὸ ἐν ἑαυτῷ κινεῖσθαι αὐτόν· κύκλος γάρ ἐστιν ἐφ' ἑαυτὸν εἱλούμενος.

«Декада — круг и граница всякого числа: возвращаясь, числа бегают вокруг нее, словно вокруг поворотной меты. Она — предел их бесконечности... то же самое можно обнаружить и в природе года, так как, завершаясь, подобно числу десять, он возвращается к самому себе. Поэтому он и был назван «годом» (ἐνιαυτός) — от того, что движется в самом себе: он — круг, вращающийся в самом себе». Несмотря на свой поздний характер, этот текст проясняет связь между долиходромией времен года (Гераклит фр. 64/B 100) и этимологией слова ἐνιαυτός «год» у Плутарха, Def. or. 416 A ἐνιαυτὸς ἀρχὴν ἐν αὑτῷ καὶ τελευτὴν ὁμοῦ τι πάντων ὧν φέρουσιν ὧραι γῆ δὲ φύει. «Год, содержащий в себе начало и конец всего, что приносят времена года и взращивает земля». В другом месте (De mens. I, 17; p. 10, 15 W.) Иоанн Лидийский употребляет термин καμπτήρ «мета» применительно к тропику Козерога: (о Новом годе Нумы) ὅταν Ἥλιος τὸν Αἰγόκερον μεσάζων αὔξει τὴν ἡμέραν, ἀποστρέφων πρὸς ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ νοτίου καμπτῆρος προστιθεὶς τῇ ἡμέρᾳ ἡμιώριον. Сходную метафорическую конструкцию приводит Макробий из Etyma Корнифиция (Sat. I, 17, 61) (этимология эпиклезы Аполлона Pythius) cum enim Sol in signo Cancri aestivum solstitium facit, in quo est longissimi diei terminus, et inde retrogressum agit ad diminutionem dierum, Pythius eo tempore apellatur ὡς πύματον θέων ὅ ἐστι τὸν τελευταῖον δρόμον τρέχων idem ei nomen convenit et cum Capricornum rursum ingrediens ultimum brevissimi diei cursum intellegitur peregisse etc. «Когда Солнце в созвездии Рака совершает летнее солнцестояние, в котором находится предел самого длинного дня, а затем поворачивает вспять к уменьшению дней, в это время оно называется (Аполлоном) Пифийским как «бегущее свой последний бег». То же имя приличествует ему и тогда, когда оно вновь вступает в созвездие Козерога: тогда это имя означает, что Солнце прошло последний путь (собственно, «дистанцию на ристалище») самого короткого дня». Метафорическая модель, приводимая Иоанном Лидийским и Макробием, напоминает гераклитовскую, но поскольку «бегуном» здесь выступает Солнце, то «меты» космического стадиона (или ипподрома) отождествляются с солнцестояниями, а не равноденствиями. Интересно, что сходные представления обнаруживаются в древнеиндийской традиции, что неудивительно ввиду возможного греко-арийского происхождения мифологемы «колесница Солнца»; ср. санскр. kāṣṭhā в значениях 1) ристалище, 2) мета и 3) солнцестояние.

Итак, фрагменты 52, 62, 64 образуют единый комплекс (мы не притязаем на точную реконструкцию оригинального текста, но соединяем их, чтобы проиллюстрировать их смысловую связь):

ἥλιος οὐχ ὑπερβήσεται μέτρα, εἰ δὲ μὴ Ἐρινύες μιν Δίκης ἐπίκουροι ἐξευρήσουσι. σκοπὸς γὰρ οὐρίζειν, βραβεύειν, ἀναδεικνύναι, ἀναφαίνειν μεταβολὰς ὡρέων, αἵ πάντα φέρουσι. γοῦς καὶ ἑσπέρας τέρματα ἡ Ἄρκτος καὶ ἀντίον τῆς Ἄρκτου οὖρος αἰθρίου Διός.

«Солнце не преступит назначенных мер, а не то его разыщут Эринии, союзницы Правды: оно — судья, дабы определять, су-

дить, знаменовать, объявлять смены времен года, кои все порождают. Меты Утра и Вечера — Медведица (= Весеннее равноденствие) и напротив Медведицы — конец вёдра (= Осеннее равноденствие)».

Μέτρα может относиться к «отмеренным расстояниям», «дистанциям» или же «пределам», «метам» космического стадиона (ср.: LSJ, s. v. μέτρον I, 3a—b), которые Солнце «не пре-ступит» (не перейдет) буквально, так как у него есть свои собственные «поворотные столбы», τέρματα, т. е. зимнее и летнее солнцевороты, τροπαί. И все же основным значением μέτρα в нашем тексте представляется «должная мера» (LSJ 1, 4, особенно Hes. Erga 694 μ. φυλάσσεσθαι с комментарием Уэста, p. 326), т. е. установленные «правила», «ограничения» космического агона, которые Солнце не «преступит» как Верховный Арбитр, связанный «клятвой судьи» — ὅρκος. Весьма вероятно, что Гераклит вводит в текст отрывки настоящей «клятвы судьи», ὅρκος βραβέως, которая, по-видимому, гласила: ὀμνύω θεοὺς δεῖνα καὶ δεῖνα ὁρίζειν καὶ βραβεύειν καὶ ἀναδεικνύναι καὶ ἀναφαίνειν... δικαίως καὶ κατὰ νόμον... οὐδὲ ὑπερβαίνειν μέτρα. εἰ δὲ μὴ Ἐρινύες με Δίκης ἐπίκουροι ἐξευρήσαιεν (μετελεύσαιντο). «Клянусь богами имярек определять, судить и т. д. справедливо и по закону и не преступать меры (= не нерушать правил), а не то пусть меня разыщут Эринии, союзницы Правды!» Маркович (Eraclito, P. 195) прав, когда говорит, что пифагорейский запрет (у Hippol. Ref. VI, 26, 1) ἐκ τῆς ἰδίης ἐὰν ἀτοδημῇς, μὴ ἐπιστρέφου, εἰ δὲ μὴ Ἐρινύες Δίκης ἐπ. σε μετελεύσονται не является имитацией Гераклита (вопреки Кранцу, Жигону, Керку), однако невозможно ограничить «традиционную формулу, более древнюю, чем Гераклит и пифагорейцы», словами «Эринии, союзницы Правды» и рассматривать εἰ δὲ μή как совпадение. Перед нами типичное «профилактическое» проклятие, ἀρά, которое заключало текст клятвы. Согласно одной из теорий (H. J. Rose, вопреки Э. Роде, Нильссону и др.), Эринии изначально были персонифицированными проклятиями. В любом случае связь Эриний с клятвами восходит к народным верованиям глубочайшей древности (T 259; Hes., Erga 803—804 с комм. Уэста, с. 359); одной из их важнейших функций было наказание клятвопреступников, ἐπίορκοι. Между тем термин, ὑπερβαίνειν обнаруживает очевидную связь с семантическим полем ὅρκος, ἐπιορκία (Dem. 11, 2). Особенно интересно абсолютное употребление этого глагола в «Илиаде» («грешить», ср. Plat. Resp. 366a: ὑπερβαίνοντες καὶ ἁμαρτάνοντες; t. 52(b) после παραβαίνων, παραβήσεται, παραβάς: πολλαὶ Δίκης Ἐρινύες ἁμαρτημάτων φύλακες), I 501

λισσόμενοι, ὅτε κέν τις ὑπερβήῃ καὶ ἁμάρτῃ.
καί γάρ τε Λιταί εἰσι Διὸς κοῦραι μεγάλοιο κτλ.

Гомеровские Λιταί родственны с ἀραί. Поскольку Плутарх правильно понял агональную метафорику Гераклита и, судя по всему, правильно истолковал фр. 52, то испорченное место в De Iside 370 D (= fr. 52, test. a² Mch) следует читать: εἰ δὲ μὴ Λιτάς (scripsi, γλῶττας codd) μιν Δίκης ἐπικούρους ἐξευρήσειν. Λιταί

— ионийское и поэтическое слово, которое скорее могло подвергнуться порче, нежели любое из предлагавшихся ранее конъектуральных исправлений. Тем не менее вариант 'Ερινύες аутентичен, так как Λιταί суть Διὸς κοῦραι, а не Δίκης ἐπίκουροι. Впрочем, Гераклит вряд ли придавал большое значение конкретному мифологическому образу Эриний как таковому, равно как он едва ли думал о Зевсе, когда говорил οἶρος αἰθρίου Διός — «конец хорошей погоды». Древнее традиционное проклятие, которое он цитирует, не более чем риторический оборот, смысл которого: «потому что Солнце связано нерушимой клятвой». А «клятва», в свою очередь,— метафора «божественного закона», синоним к λόγος — «договору» из долгового метафорического кода. Ср.: Эмпедокл, фр. B 115: ἔστιν 'Ανάγκης χρῆμα, θεῶν ψήφισμα παλαιόν, ἀίδιον, πλατέεσσι κατεσφρηγισμένον ὅρκοις.

Состязающиеся в космическом агоне соперники — День и Ночь, Зима и Лето — также связаны своей, атлетической, клятвой, и таким образом весь космостадион навеки связан нерушимыми μέτρα «общей клятвы» (ξυνὸς ὅρκος) или мирового Закона.

Фалес, по легенде, умер, наблюдая на стадионе «гимнический агон»; Ксенофан предал анафеме Олимпийские игры; Гераклит же как басилевс обладал «проэдрией на агонах» (Strabo XIV 3 = = 22 A 2 DK), т. е. правом сидеть на почетном месте в первом ряду на спортивных состязаниях, и он воспользовался этой привилегией достойным философа образом.

ЭКСКУРС 1.
ОБРАЗЫ «РЕКИ» И «СТАДИОНА»

Реконструированный выше образ стадиона в известном смысле представляет собой коррелят к образу реки (фр. 40 = B 12, 49a, 91 DK): оба выявляют ряд таких общих смысловых импликаций, как *высокая скорость и непрекращающийся* характер течения-бега всех вещей. Известное позднее резюме философии Гераклита — «все течет, все изменяется» — теперь может быть переформулировано как «все бежит, все удаляется», а точнее, «все удаляется и приближается одновременно». В различных языках «течь» и «бежать» выступают как контекстуальные значения одного и того же глагола: лат. aqua currens, англ. running water, санскр. dhāvati «течь, бежать», этимологически родственное греч. θέω, рус. «теку» (та же двусмысленность) и т. д. Слова Сенеки: quidquid vides, currit cum tempore и velox cursus (Epist. 58, 22—23 = = test. 40 c[1] Mch) относятся к образу реки, и cursus вполне может быть переводом греч. ροή. К счастью, греческий язык точнее в различении этих двух понятий: глаголы бега и их производные (θέω, τρέχω, δραμεῖν, δρόμος) никогда не употребляются применительно к «реке» или «воде», точно так же как глагол «течь» ῥέω и его дериваты не может прилагаться к бегунам. Случай с χωρέω несколько более двусмыслен (ср. ниже), тогда как такие абстрактные термины для движения, как φέρεσθαι (φορά) и κινεῖσθαι

(κίνησις), во вторичных источниках могут относиться к любому из двух образов или к обоим одновременно.

Тем не менее существует опасность смешения или даже сознательной контаминации этих двух образов во вторичных источниках на уровне *философской интерпретации*. Два образа изначально различны в двух отношениях. 1) Образ «реки» представляет собой простой *символ* и как таковой не подлежит анализу или внутренней дифференциации; образ стадиона, напротив, являет собой *сложную динамическую модель* космоса. 2) «Стадион» — *космологическая* модель, тогда как «река» изначально — символ *человеческого* тела, включая ψυχή «душу» как его составную часть, которая также подвержена постоянному «течению»-испарению; «течение» тела изначально подразумевает «приток» (ἐπίρρυσις) пищи и «отток» экскрементов (ἀπόρρυσις), общий баланс остается «тем же самым», ὁ αὐτός. Человеческое тело как денотативный коррелят «реки» засвидетельствовано в нашем лучшем источнике test. 40(a) и независимо в test. (c^1), (c^2 εἶμεν, т. е. «мы, люди»), (c^3 θνητὴ οὐσία = = «тело», ср. параллели из Филона и Марка Аврелия, цитируемые Марковичем ad loc., примеч. 21). Только гераклитовцы V в. и Платон впервые экстраполировали «поток» на «все сущее», πάντα τὰ ὄντα (αἰσθητά). Положим, эта экстраполяция не лишена основания, так как структура и функция космического Мегатела у Гераклита изоморфны структуре и функциям его микрокосмического коррелята, причем космическая ψυχή (= «воздух», фр. 66—67 Mch) также находится в непрестанном течении-испарении. И все же не следует игнорировать изначальную отнесенность образа «реки» к микрокосмосу.

Всякий раз, как мы читаем не о «реке» и «потоке», ροή, а о «дороге», «пути», «беге», «хождении» и особенно о «пути туда-обратно», имеется в виду не образ реки, но образ стадиона.

Следует подчеркнуть, что, за исключением Платона (который зависит от Кратила) и Аристотеля (который зависит от Платона), мы почти не встречаем упоминаний о *космическом* потоке, т. е. ροή и ποταμός, (DL IX 8 = DK I, 141, 19 — примечательное исключение): трансмиграция космических элементов и космическое изменение обычно описываются как ὁδὸς ἄνω κάτω — «путь туда-сюда», т. е. кодируются метафорами «бега», а не «течения». Платоново ἅπαντα ἄνω τε καὶ κάτω ῥεῖ (Phileb. 43a) — ироническая контаминация двух образов, явно основанная на гидрологическом парадоксе Еврипа: πάντα τὰ ὄντα ἀτεχνῶς ὥσπερ ἐν Εὐρίπῳ ἄνω καὶ κάτω στρέφεται (Phaedo 90c). Современный греческий трактат по гидрологии Еврипа (д-ра D. Aiginetos) имеет квазигераклитовский заголовок Τὸ ποόβλημα τῆς παλιρροίας τοῦ Εὐρίπου (Πραγμ. Ἀκα. Ἀθηνῶν, т. 1, 1935).

Παλιρροίη (засвидетельствованное у Геродота, 2, 28) звучит как хороший гераклитовский термин, и его метафорическое употребление сходно по семантике с παλίντροπος: Polyb. I, 82, 3 παράδοξος παλίρροια τῶν πραγμάτων; Diod. Sic. 18, 59 ἡ ἐπ' ἀμφότερα τὰ μέρη τῆς τύχης παλίρροια (цитируется в LSJ, s. v. 1, 3). Но в действи-

тельности нет ни малейшего основания постулировать идею παλίρροια во фр. 40; образ *двух* рек в Cons. ad Apoll. (= t. 41a Mch); текущих в *противоположных направлениях*, реки рождения и реки смерти (ὁ τῆς γενέσεως ποταμός... καὶ πάλιν ὁ ἐξ ἐναντίας αὐτῷ (ῥέων) ὁ τῆς φθορᾶς), вероятно имеет своими источниками конструкцию Платона (через посредство Крантора?).

Plato, Cratyl. 402a (t. 40b[1]): λέγει που Ἡράκλειτος ὅτι πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει, καὶ ποταμοῦ ροῇ ἀπεικάζων τὰ ὄντα λέγει ὡς δὶς εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἂν ἐμβαίης. Слова πάντα χωρεῖ, имеющие точное соответствие в De victu, приписываются Гераклиту в LSJ, s. v. χωρέω II, 1; Дж. Бернет рассматривал χωρεῖ...ἀμειβόμενα в De victu как «несомненно гераклитовское изречение» (EGPh, 151, n. 1). Эта точка зрения представляет собой исключение; большинство исследователей считает тезис πάντα χωρεῖ реминисценцией образа «реки». Строго говоря, мы должны различать два вопроса: 1) сводим ли тезис πάντα χωρεῖ у Платона и Гиппократа к фр. 40 Гераклита? 2) если нет, насколько он аутентичен по формулировке? На первый вопрос следует ответить отрицательно. Положим, χωρεῖν в некоторых случаях употребляется о реках (ср. Eurip. Med. 410; Plato, Phaedo 113 b 1; c 4); но прежде всего этот термин имплицирует «дорогу» скорее, чем «реку». Два λέγει предполагают скорее две цитаты, чем одну (под «цитатой» мы разумеем здесь то, что Платон выдает за цитату из Гераклита; фрагмент о реке также не цитируется Платоном дословно). Между тем из параллельного пассажа Cratyl. 401 d (p. 138 Mch) τὰ ὄντα ἰέναι πάντα καὶ μένειν οὐδέν становится ясно, что χωρεῖν употребляется Платоном в первичном значении «идти вперед», «проходить» без малейшей импликации «течения». Ср. также: Cratyl. 439c; 412d.

Мы видели, что пассаж De victu I, 5 χωρεῖ δὲ πάντα καὶ θεῖα καὶ ἀνθρώπινα ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα также не имеет никакого отношения к образу реки, кроме того, нет оснований предполагать, что гиппократовский автор разделял платоновскую онтологическую интерпретацию символа реки. Тезис πάντα χωρεῖ фигурирует в космологической главе трактата De victu и относится не к телу, а к «дню и ночи» и т. д. Наконец, имеется третий независимый читатель Гераклита, который определенно соотносит περιχωρέοντα с ἄνω κάτω: Lucian., Vit. auct. 14 (= test. 33d[8] Mch). Таким образом, тезис Бернета отнюдь не может считаться антиквированным.

Еще один показательный пример контаминации «бега» и «течения» дает фр. 40 c[3] Mch (B 91 DK): τάχει μεταβολῆς... πρόσεισι καὶ ἄπεισι «быстротой изменения *приближается и удаляется*». «Удаление» и «приближение» относятся к «пути туда» и «пути обратно» соответственно, т. е. к философеме стадиона. Так, во «Всадниках» Аристофана Демос говорит, обращаясь к приготовившимся к бегу и стоящим на стартовой черте (βαλβίς) Клеону и Колбаснику (ст. 1159 сл.): ἅπιτον, ср. θέοιτ' ἄν ниже. Одновременный характер «приближения и удаления» (ἅμα), по-видимому, указы-

вает на то, что Плутарх толковал философему стадиона в духе ἐναντιοδρομία.

Начиная с Дж. Бернета (1892) и особенно благодаря работам К. Райнхардта (1916), Дж. Керка (1954) и М. Марковича (1967; 1978) в гераклитоведении стало признаком хорошего тона ставить под сомнение или совсем отрицать идею становления и всеобщего «течения» всех вещей (хотя в последнее время и предпринимались попытки реабилитировать гераклитовский «поток»). Работы этого направления способствовали более адекватной оценке таких фундаментальных понятий гераклитовской философии, как «мера», «единство», «закон» и т. д., но их скепсис в отношении гераклитовского релятивизма и «текучести» феноменального мира зашел слишком далеко. Основной аргумент этих авторов — отсутствие аутентичных цитат из Гераклита о всеобщем течении (движении) — опровергается реконструированной выше философемой стадиона, поскольку «бег» и «течение» — две синонимичные метафоры для выражения одного и того же понятия. Следует, однако, оговориться, что всеобщая текучесть, по Гераклиту, характеризует только феноменальный мир множества. Агон — метафорический синоним Войны и Раздора; как явленная Война «многого» говорит о сокровенном Мире «одного», так и рекуррентный «бег» космических противоположностей с их фатально предопределенными «поворотами вспять» — лишь одно из свидетельств вечной осцилляции бога-мира между максимумом и минимумом.

ЭКСКУРС 2.
ВОЗМОЖНОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ПУТИ ВВЕРХ-ВНИЗ»

Между историками греческой атлетики идет спор о способе «поворота» в двойном (δίαυλος) и «длинном» (δόλιχος) беге после первого стадия; исход этого спора существен для точного понимания агональной метафорики Гераклита. Согласно Дёрпфельду, бегуны в Олимпии после прохождения первого стадия поворачивали вокруг колонны и возвращались к стартовой черте по параллельной дорожке; согласно Хаузеру, смены дорожек вообще не было: добежав до меты, бегун поворачивался на 180° и возвращался по той же самой дорожке (Pendellauf). Ютнер замечает, что «при отсутствии недвусмысленных, ясных свидетельств загадка остается нерешенной» [15]. Разбирая выше три возможности реконструкции Космического стадиона у Гераклита, я молча следовал точке зрения Дёрпфельда. Надо признать, однако, что точка зрения Хаузера, имеющая среди современных исследователей больше сторонников, дает великолепный смысл при интерпретации фр. 33/B 60: «путь вверх-вниз» (= «туда-сюда») оказывается «одним и тем же» в буквальном смысле. Pendellauf открывает возможность для существенно иной интерпретации фр. 62/B 120: Утро и Вечер могут рассматриваться как один и тот же бегун под двумя именами,

что особенно заманчиво ввиду прямого отождествления «дня и ночи» во фр. 43/B 57: «...Гесиод ... не знал, что такое день и ночь: они суть одно». Утро и Вечер (День и Ночь) — две стороны, лицо и спина, одного и того же бегуна, который, «приближаясь» к зрителю, называется «Утром», а «удаляясь» от него — «Вечером». Смертные ошибочно гипостазировали два аспекта одной и той же «природы», невежественный установитель имен раздвоил изначальное единство на противоположности. Ср. Anth. Pal. V, 171 Ὄρθρε... εἴθε πάλιν στρέφας ταχινὸν δρόμον Ἔσπερος εἶης... οὐκ ἀδαὴς ἐσσι παλινδρομίης «Утро!.. О если бы, обратив вспять свой быстрый бег, ты стало Вечером... попятный бег тебе не неведом»! Ютнер (проглядевший это свидетельство) приводит в пользу Pendellauf письмо Исидора из Пелусия (ок. 450 г.) к иподиакону Палладию, содержащее притчу о добродетели и пороке с интересной для нас агональной метафорикой:

Isidori Pelusiotae Epist. III, 144; PG v. 78, p. 840 B Ὁδὸς γάρ ἐστιν ἐπὶ τὴν ἀρίστην φέρουσα μεταβολήν. Εἰ γὰρ τὸ ῥεῦμα τῆς κακίας, τὸ ἐπὶ τὴν ἀπώλειαν τρέχον, ἠρεμήσειεν, ἀρχὴν λήψεται ἡ ἐπὶ τὴν ἀρετὴν κίνησις. Ὥσπερ γὰρ ἡ ἐν τοῖς σταδίοις στάσις καὶ ἐπηρέμησις τὴν ἐναντίαν τίκτει κίνησιν (εἰ μὴ γὰρ σταίη, οὐκ ἄν εἰς τοὐναντίον χωρήσειεν), οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς κακίας, εἰ μὴ παύσοιτο, οὐκ ἄν τῇ ἀρετῇ χώραν δοίη.

«Есть путь, ведущий к наилучшей перемене. Если течение порока, бегущее к погибели, остановится, начнется движение к добродетели. Подобно тому как на стадионах остановка и временный покой рождает движение в противоположном направлении (ибо, не остановившись, невозможно двинуться в противоположную сторону), так и в случае с пороком: если не прекратится, не уступит место добродетели». Исидор явно использовал старую форму для нового содержания: стоит заменить «добродетель и порок» на «Утро и Вечер» или времена года (элементы), чтобы получить комментарий к гераклитовской философеме стадиона. А термин μεταβολή «перемена», употребленный здесь применительно к повороту в противоположную сторону, подсказывает одну из возможных интерпретаций фр. 56a/B 84a μεταβάλλον ἀναπαύεται «[все] останавливается, поворачивая вспять», т. е. «все умирает, переходя в свою противоположность». Смерть ночи (зимы) есть рождение дня (лета) и т. д., ср. фр. 66/B 36. То, что смертные условно называют «смертью», на самом деле только моментальная остановка космического маятника при начале его движения в противоположную сторону, поворотная мета между двумя формами существования, «бегущими в противоположных направлениях». Смерть человека есть рождение бога, и наоборот, так как это один и тот же бегун («бессмертные смертны, смертные бессмертны» — фр. 47/B 62), душа или δαίμων, бегающий взад-вперед по космическому стадиону и появляющийся попеременно то под именем «бессмертного» (на «пути вверх»), то под именем «смертного» (на «пути вниз»). «Движется все, божественное и человеческое, вверх-вниз (= туда-сюда) попеременно» (De victu I, 5) [16].

[1] Вниманию читателя предлагается переработанный (с сокращениями и добавлениями) вариант статьи, первоначально опубликованной в: Phronesis. A Journal for Ancient Philosophy. Vol. XXX (1985). N 2. P. 131—150. Двойная нумерация фрагментов Гераклита дается по изданиям Марковича и Дильса — Кранца соответственно: *Marcovich M.* (ed.). Eraclito. Frammenti. Firenze, 1978; *Diels H.—Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Zürich; Hildesheim, 1985. Bd. I. S. 139—190.

[2] Обзор старых толкований см.: *Marcovich.* Eraclito. P. 236 sq.; *Kirk G. S.* Heraclitus, The Cosmic Fragments. Cambr., 1970. P. 289—293.

[3] *Zeller Ed.* Die Philosophie der Griechen, hrsg. v. W. Nestle. Leipzig, 1920. Bd. I. S. 845.

[4] *Kirk.* Heraclitus. P. 292.

[5] *Marcovich.* Eraclito. P. 236; Kranz in DK. Bd. I. S. 177. ad loc.

[6] Hecat., fr. 108 Jacoby; Her. I, 6, 1 etc.

[7] Небесспорный фр. 118/B 126a связан с космологическим значением числа 7. Новонайденный фрагмент о луне (P. Oxy. Nr. 3710; Vol. LIII, L., 1986. P. 97), по-видимому, также следует рассматривать в контексте натурфилософского гебдомадизма.

[8] *Kahn Ch.* The Art and Thought of Heraclitus. Cambr., 1981. P. 162; *Conche M.* Héraclite, Fragments. P., 1986. P. 195.

[9] *Montanari E.* Eraclito e il tramonto delle stelle // Studi di Filosofia Preplatonica, a cura di M. Capasso, Fr. de Martino, Pierpaolo Rosati. Napoli, 1985. P. 71—86.

[10] Ср. коммент. Тарана (*Tarán L.* Parmenides. Princeton, 1965. P. 13, и Hesiod., Theog. 748) с комм.: *West M. L.* Hesiod, Theogony. Oxford, 1966. P. 366.

[11] Ἐπιστάτης — «распорядитель», «судья на играх» (Pr.-Xen., Lac., 8, 4; Plato, Legg., 948e 949a) представляет собой плеоназм (то же, что βραβεύς) (и не засвидетельствовано в ионийской прозе. См.: LSJ. q.v. II, 2.

[12] ἐπιστάτης ἐτείων scripsi.
Как показывает J. Taillardat, образ божества как «арбитра» на арене человеческой жизни лежит в основе Pind., Pyth. VIII, 77—78, см.: REG, t. 99 (1986), p. 232 sq. (μέτρον как «правила игры»). В письме ко мне от 16.5.87 проф. Тайарда указывает на еще более близкую параллель к Гераклиту: Hyperid., Epitaph., 6,5 (p. 93 Blass—Jensen): солнце, подобно арбитру, регулирует времена года (τὰς ὥρας διακρίνων), причем дальнейшая аналогия с полисом и тема δίκη делают гераклитовское влияние вероятным.

[13] Ср. фр. 26/B 50, 85/B 41, 30/B 42, 46/B 58, 99/B 20.

[14] Возможно, уже в Placit. 1, 3, 8; *Burkert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambr. (Mass.), 1972. P. 72, n. 122.

[15] *Jüthner.* Die athletischen Leibesübungen der Griechen. Wien, 1968. Bd. II/1. S. 105.

[16] О значении агона в греческой культуре см.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.